

Диакон Андрей Кураев. "Откуда у церкви деньги?"

Не запах ладана и воска встречает посетителя у входа во многие православные храмы – а звон монет и разговоры о деньгах. Свечи, иконки, освященное масло, просфоры, крестики, – все это предлагается в “свечных ящиках”, располагающихся у входа в храм или даже в самом храме.

Если человек знает Евангелие – он тут же вспоминает, что Христос изгнал торговцев из храма. Если человек Евангелия сам не читал – что ж, рано или поздно найдутся “доброжелатели” из какой-нибудь секты, которые не откажут себе в удовольствии ткнуть пальцем в чужой грех. С гневным возмущением они обратят ваше внимание на очевидное противоречие между жизнью православной церкви и Евангелием... Но ведь Евангелие читают и православные священники. Почему же в наших храмах звенят деньги?

Деньги в храме – это плата за то, что мы живем в условиях, весьма отличных от той культурно-бытовой среды, в которой складывались устои православной жизни. Это наша плата за то, что мы живем не в традиционном обществе, не в крестьянской общине. Мы – жители городов, вдобавок северных, а отнюдь не палестинских или греческих.

Представим себе основы церковной “политэкономии” в ту пору, когда господствовало так называемое “натуральное хозяйство”.

Что нужно было для повседневной жизни храма? – Хлеб и вино для таинства Причастия. Воск для свечей, оливковое масло для лампад, ладан для благовонного каждения. Все это совсем не экзотично и не дорого. У греческого, сербского, болгарского крестьянина (а именно оттуда к нам пришел православный уклад жизни) все это было под рукой. Хлеб он выращивал свой. Вино делал из своего винограда. Маслиничное дерево росло на его же пастбище. В качестве ладана могла сгодиться смола, собранная с деревьев (прежде всего – сосен и кедра).

Денег почти не было (особенно на селе). Люди приносили в храм частичку того, что они

вырастили или сделали сами. Они не покупали свечи в храме – а приносили из дома свои. Они не покупали в храме бутылочку с маслом для своих домашних лампад, но из дома приносили сделанное их же руками масло. Они не покупали в храме просфор, но свой, домашний хлеб или муку приносили для храма. Они не покупали в церковной лавке ладан, привезенный из-за границы, но сами делились с храмом собранной ими смолой. То, что мы сегодня выносим из храма, еще сто лет назад люди (по крайней мере крестьяне) в храм приносили.

Крестьянин понимал, что он не является творцом своего урожая. Да, его труд и его вклад велик. Но без дождя и без солнца – разве дала бы плод вспаханная им земля?! Всю страду он с надеждой смотрел на небо. Теперь у него есть урожай – и чувство справедливости требует быть благодарным Небу. Частичку своего урожая, частичку своего труда он приносит к алтарю: “Ты даровал этот дар мне, Господи, я благодарю Тебя за него и приношу ответный дар, хотя и символический”.

Именно в этом смысл освящения меда, яблок, винограда в августовские церковные праздники. Яблоки не становятся вкуснее или святее от принесения их в храм. Просто душа учится быть благодарной. Как однажды заметил английский писатель Честертон, религиозное воспитание малыша начинается не тогда, когда отец начинает рассказывать ему о Боге, но когда мать учит говорить “спасибо” за вкусно испеченный пирог.

Итак, люди приносили частичку своего труда в храм. Так сегодня на панихидах, поминая своих близких “за упокой”, люди приносят из дому печенье, яблоки, пряники, сахар, блины и ставят их на панихидный столик. По окончании молитвы часть принесенных продуктов они отдают церковнослужителям, часть – предлагают всем, кто находится в храме, часть – раздают нищим у храма. Вот так же раньше происходило и с важнейшей церковной службой – с Литургией. Люди приносили из дома вино и хлеб, передавали их священнику с просьбой помолиться за тех, кто принес эти дары и о тех, за кого они принесены. Это и было то, что сегодня называется “просфора”. По гречески это слово означает приношение. “Просфора” – то, что приносится в храм, приносится в жертву, а не то, что уносится из храма.

Но сегодня люди дома не пекут хлеб и не делают вино. Более того – ни домашняя выпечка хлеба (в тех семьях, где она сохранилась), ни домашнее изготовление вина или свеч сейчас почти ни для кого не являются основным видом труда. Люди живут иными работами, и эти иные виды труда дают им пропитание и заработок. Но где бы ни работал человек – его религиозная совесть напоминает ему: в своей работе ты

пользуешься теми талантами, теми дарами, теми возможностями, что даровал тебе Творец. Так хотя бы частичку их верни в Его храм с благодарностью. Как же инженеру или трактористу, журналисту или учителю частичку своего труда принести в храм? Не деталь же от трактора приносить и не экземпляр газеты со своей статьей... - Так у нас есть знаки, выражающие плодотворность труда в самых разных сферах. Это то, что в современной политэкономии называется “всеобщий эквивалент”. Деньги.

Часть того, что человек заработал, он в виде денег приносит в храм. Эти бумажки он меняет на то, что не сделал сам, но что нужно для службы в храме: на свечи, хлеб (просфоры), вино, масло, ладан... Для постороннего взгляда здесь происходит явная торговая операция: деньги меняются на предметы. На самом деле все иначе. Человек принес свою жертву. Но ведь денежную купюру не зажжешь вместо свечи, а монету не положишь в кадило вместо ладана. Что ж – Церковь заранее позаботилась о том, чтобы нужные вещества были заготовлены. Свечу не нужно делать самому и везти в храм через полгорода. К церковному порогу прихожанин может поднести свою жертву в виде монетки, а уже внутри храма идти со свечой в руке.

Налоговая инспекция видит здесь акт торговли. И, конечно, требует поставить кассовые аппараты в храмах и уплачивать “налог с продаж” свечей и просфор. В чем тут неправда? – Человека понуждают давать жертву совсем не тем, для кого он ее принес. Человек принес свою жертву в храм, а налоговая инспекция говорит: нет-нет, вот эту часть мы берем себе. Если люди сегодня больше доверяют Церкви, чем государству – разве в том вина Церкви?

Законодательство гласит, что если предприниматель часть своей прибыли жертвует на церковь, пожертвованная сумма исключается из его налогообложения. Так почему же это правило нередко забывается, когда речь идет о тех копеечках, что живые и небогатые люди (а не юридические лица) приносят к храмовому порогу?

Мы не видим в этом акта купли-продажи. “Свечной ящик” - это скорее тот переходной тамбур, который помогает людям из современной цивилизации безболезненно перейти (хотя бы в одном отношении) в мир древней традиции. И потому мы не считаем, что наличие “свечного ящика” у храма нарушает Евангельскую заповедь или налоговый кодекс.

Патриарх Алексий при встречах с духовенством постоянно подчеркивает: в храмах не

должно быть слов “цена”, “стоимость”, “плата”. Лучше говорить “жертва на такую-то свечу”, “пожертвование на такую-то молитву”. А есть храмы, в которых свечи вообще предлагают без всяких разговоров о деньгах. Свечи просто и открыто лежат, а рядом с ними стоит ящик для пожертвований. Кто-то по скудости своих средств берет бесплатно. Но нередко люди опускают в этот ящик не тот рубль, в который реально обошлось производство свечи, а пять или десять рублей – понимая, что здесь не обмен эквивалентами, а жертва.....

Теперь понятно, почему с церковной точки зрения согрешают те, кто покупают (здесь-то – именно покупают) свечи у уличных торговцев или в светских магазинах, не в храме. Если свеча есть символ нашего горения к Богу и нашей жертвы для Него – то что же получается, если вы эту свечу приобрели у обычного бизнесмена? Свеча не молится за нас, вместо нас. Свеча лишь напоминает нам о том молитвенном горении, которое должно быть в наших сердцах. Свеча сегодня не способ освещения храма или квартиры. Она - воплощение той малой жертвы, что мы принесли в храм. Сама же эта малая жертва есть символ той величайшей жертвы, которую христианин должен принести Богу: “Сами себя, и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим”. Да разве можно эту молитву говорить с украденной свечой в руке? Такая жертва приносится не в храм, а мимо храма. И свеча такая горит не Богу, а нашему эгоизму и копеечной “экономии”.

Свеча, купленная на улице и принесенная в храм – не жертва, а нечто противоположное. Это копейка, украденная у храма. Как бы ни заверяли уличные свечные торговки, что их свечи “освященные”. “софринские”, “церковные” – своим собеседникам они предлагают соучастие в грехе.

Да, в прошлом люди свои свечи приносили в храм, а не приобретали их в храме. Но кроме этого, они еще и платили церковную “десятину” (пусть даже не деньгами, а частью своего урожая). Сегодня православная церковь (в отличие от многих протестантских общин) не призывает своих прихожан к столь ощутимой – десятипроцентной – жертве. Но, пусть и малая жертва, чтобы перестать быть актом купли-продажи и приобрести духовно-значимый характер, должна быть все же принесена в храм, а не отдана уличным спекулянтам.

Сегодня слова “жертва” и “жертвенность” не популярны. Но чем настойчивее реклама и массовая культура твердят, что жить надо как можно вкуснее и что “себе в удовольствии не откажешь”, тем важнее для Церкви противостоять этой расчеловечивающей моде. Не о деньгах наш спор с налоговой полицией, которая

норовит собрать налоги с тех операций “купли-продажи”, что ей мерещатся в храмах. Так смотреть на церковную жертву, приносимую людьми, все равно, что в крещении видеть лишь закаливающую процедуру. Не ради же закалки люди подходят в крещению. Конечно, происходящее в крестилке можно описать по законам физики и вспомнить не Христа, а Архимеда: сопоставим вес тела и массу вытесненной им воды... Но не ради того, чтобы поднять уровень воды в крещальной купели, опускается туда человек... И как происходящее в крестильной купели не описать законами Архимеда, так и то, что происходит у свечного ящика, не описать лишь по законам Адама Смита, Карла Маркса и Егора Гайдара.

Здесь не торговля, а воспитание души. Осознай тот малый жест, что совершаешь у церковного ящика, не как обычную торговую операцию, но как начальную жертву – и многое начнет меняться в душе. Не купленную свечу с сознанием выполненного покупательского долга надо возжигать на подсвечнике, но огоньком жертвенности освещать свой жизненный путь. Это, конечно, малость. Но и она может помочь человеку осознать, что, кроме работы, в мире есть еще и служение. Кроме того, что продается и покупается, есть еще и то, что жертвуется.

Свечи, некогда необходимые для освещения храма, сегодня утратили это свое назначение. Храм освещается электричеством (Нарва) а за электричество надо платить деньгами. Где храму взять деньги для расчета с городскими службами, если люди даже свечи будут покупать у уличных торговков?

То, что Церкви есть, на что тратить деньги – понятно. Строительство и реставрация храмов, зарплата священникам и певцам, сторожам и уборщицам. Затраты на содержание семинарий, воскресных школ, церковных гимназий и больниц. Аренда помещений для внехрамовых бесед и лекций и покупка эфирного времени для радио- и теле-проповеди. Содержание центрального аппарата и зарубежных миссий и представительств... Откуда же Церковь может брать эти немалые деньги?

В прошлые века большая часть этих средств шла прямо из государственного бюджета. При отделении Церкви от государства на этот источник более полагаться нельзя.

В некоторых странах в распоряжении Церкви (почти исключительно – католической Церкви) остались земельные угодья, пожертвованные ей в течение многих предыдущих столетий, и Церковь может жить за счет сдачи этих земель в аренду. Но и такой

вариант в современной России нереален.

В ряде стран (прежде всего – Германия и государства Скандинавии) собирается специальный церковный налог. Каждый гражданин страны обязан определенный процент от общей суммы своих налогов перечислить на церковные нужды (свобода же совести состоит здесь в том, что человек может сам решить – какой именно из конфессий он доверяет свои деньги). Подобный вариант в современной России – явно из области фантазий.

Наконец, те религиозные общины, которые не зависят от поддержки государства, нередко вводят свой внутренний обязательный налог со своих прихожан. Это так называемая “десятина”. Десять процентов от всех своих доходов прихожанин обязан пожертвовать в церковную кассу. Когда-то и на Руси было такое правило (вспомним, что первый православный храм в Киеве назывался “Десятиной церковью”). Но вернуться сегодня к такой практике нам мешает понимание того, что этот шаг означает сокращение и без того крохотных пенсий и зарплат многих наших прихожан на десятую их часть.

Что же в этом случае остается. – Предложить прихожанам жертвовать в храм по мере своих сил (принося копеечные жертвы за свечи и просфорки) в обычные дни и годы их жизни. И при этом предложить им жертвовать в храм более серьезные суммы при тех редких случаях, что бывают в жизни нечасто (прежде всего – при крестинах и венчаниях).

Несомненно, что быть православным прихожанином в этих условиях гораздо “дешевле”, нежели быть протестантом, платящим ежемесячную “десятину”. Но несмотря на это, протестантские проповедники любят паязвить на тему о сребролюбии православных: все мол, у них, за деньги. Нет, далеко не все. Человек может ходить в храм и жить церковной жизнью, не внося в церковную кассу вообще ни копейки.

Никто не заставляет его приобретать свечи. Важнейшие таинства нашей церковной жизни – исповедь и причастие - всегда совершаются без всяких “плат”. Если у человека нет возможности внести надлежащую жертву за крестины, венчание или погребение – по церковным правилам священник обязан согласиться на совершенно безвозмездный труд (труднее будет уговорить хор).

Если у человека нет возможности передать в алтарь записочку о “поминовении” своих близких с приложением к ней жертвенной копейки – и это не беда. Господь знает помыслы наших сердец и состояние наших семейных бюджетов. Если не мелочная корысть и не типичная жажда “халявы” стоят за этим, а действительная бедность – что ж, горячая молитва человека за своих ближних будет Богом услышана. Ведь священник, завершая литургию, опускает в Чашу с искупительной Кровью Христа все частицы, вынутые из переданных в алтарь просфорок. Вынимая эти частички (хлебные крошки) из просфор в начале Литургии, священник зачитывал имена тех людей, что значились в сопроводительных записках. Теперь же все их он опускает в Чашу со словами: “Омый, Господи, грехи поминавшихся зде кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих”. Видите: священник не говорит “мною ныне поминавшихся” но – вообще “поминавшихся”. Упоминаемые в этих же словах “молитвы святых” – это отнюдь не только молитвы тех, кого мы привыкли видеть на иконах. Здесь имеются в виду и молитвы тех, кто стоит с нами в храме, тех, кто причастился Крови Христовой на этой Литургии (перед Причастием ведь священник возгласил: “Святая – святым”, то есть святыня Христова дается тем, кто достойно, исповедав свои грехи, очистившись, приступает с Причастием). Как видим, не вместо нас молится священник о наших ближних, но вместе с нами. И поэтому невозможность принести денежную жертву на храм никак не означает, что человек не может приносить молитвенную, сердечную жертву Богу. Исповедуйся, причастись, и, причастившись, помолись о своих ближних - и такая молитва будет значить никак не меньше, чем молитва священника о них в алтаре по переданной тобой записке.

А теперь настала пора открыть главную тайну церковной экономики: Церковь живет на деньги атеистов.

Представьте, что я юный “богоискатель”. Я прихожу в храм и прошу священника меня покрестить. Батюшка, поговорив со мной, понял, что желание-то у меня серьезное, а вот знаний о Евангелии и о нормах церковной жизни – никаких. Он предлагает мне походить в воскресную школу или на беседы с ним. Проходит время (может, месяц, может – годы). Наконец, и он, и я приходим к выводу, что настала пора для моего сознательного крещения. Возьмет ли с меня, со студента, деньги священник, который немало собственных сил вложил в то, чтобы мое решение стало более осознанным и глубоким? Или скорее он сам сделает мне подарок в день моего духовного рождения? Между прочим, именно так и было со мною в 1982 году – при крещении с меня не то что не взяли ни копейки, но еще и подарили крестик и свечки.

Проходят годы. Юноша растет действительно церковным человеком, регулярно исповедуется, причащается; в храме он бывает не только по большим праздникам... И вот однажды он приходит к священнику не один: “Батюшка, знакомьтесь, это моя

Танечка... Мы бы повенчаться хотели...”. Заговорит ли с ним священник о деньгах? Или повенчает своего духовного сына радостно и бесплатно – да опять же еще и очередную книжку по этому случаю подарит?

Проходит год. Молодой человек и его Танечка, за это год также ставшая прихожанкой и духовной дочерью того же священника, подходят к нему с очередной просьбой: “Вот тут у нас, понимаете ли, Ванечка родился... Когда бы нам покрестить его? Кто тут вспомнит о деньгах?”

Еще годы остались позади. Татьяна скорбно подойдет к тому же священнику (если он будет еще жив) и скажет: “Овдовела я... Отпойте моего любимого”. И неужели за отпевание человека, воспитанного им, всю жизнь проведенного на глазах у священника, он возьмет деньги у своей же скорбящей духовной дочери?

Вот парадокс городской церковной жизни: постоянные прихожане, подлинные духовные дети священника денег в храм практически не приносят. Храм же живет не на пожертвования прихожан, а на деньги “захожан”. Прежде всего – на деньги тех, кого приносят в храм дважды в жизни: первый раз, чтобы крестить, второй раз - чтобы отпеть. Вот эти практические атеисты, не знакомые ни священнику, ни прихожанам, и передают свои деньги в церковный “свечной ящик”.

Такая система церковной “экономики” сложилась в советские времена. Сегодня она, конечно, усложнилась. Появилась книжная и иконная торговля (есть храмы, в которых честно предупреждают: книги в нашем храме стоят дорого, дороже, чем в светском магазине. Но поймите, дорогие, приобретая книгу именно у нас, вы жертвуете на возрождение храма”). Есть благотворители-спонсоры. Бывает помощь со стороны городских властей.

И оказалось, что теплота человеческих отношений вознаграждается сторицей. Прихожане, полюбившие священника, убедившиеся в бескорыстии его служения, воспринимают как свои нужды храма. И, если не могут помочь сами, находят знакомых в новых российских элитах (в госаппарате, в банках, в сфере бизнеса), знакомят с батюшкой и убеждают помочь. Те же священники, что по-наемнически относились к людям и смотрели на прихожан сквозь купюры – остались один на один со всеми волнами финансового кризиса. На добрых же пастырях, сумевших по человечески, по христиански относиться к людям, сбылись евангельские слова о заботе о земных благах:

“Ищите прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам” (Мф. 6,33).